

УДК 94(38).08.09

СМЕРТЬ И СТРАДАНИЯ НА БОСПОРЕ*

Е.А. КРАСНИКОВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: malaya555@yandex.ru*

Данная статья продолжает рассмотрение темы человека на Боспоре, его чувств и эмоций. Страдание и любовь – одни из важнейших эмоциональных сфер человека, играющие особую роль в его нравственном становлении. В данной работе мы остановимся подробнее на рассмотрении страданий боспорян, связанных со смертью. Значительная часть эпитафий содержит в себе упоминание о загробном мире, что указывает на значимость этого вопроса для боспорцев. Уникально проявившееся на Боспоре сочетание «греческой» и «варварской» культур дало в результате своеобразный симбиоз восприятия человека и отношение к передаче чувств и эмоций.

Ключевые слова: Боспор, смерть, страдания, эпитафия.

Непросто добиться продуктивного рассмотрения эмоциональной жизни человека в рамках социальной истории в целом. Анализ мира чувств вообще и, тем более, анализ его истории, крайне сложен.

Настоящее исследование – это рассмотрение нами еще одного из аспектов изучения человека на Боспоре. Занимаясь изучением эмоционального состояния людей на Боспоре, мы условно обозначили для себя две основные проблемы: это методы передачи чувств боспорскими мастерами и методологические подходы для изучения нами данного вопроса. В числе методологических сложностей следует назвать переход от отдельных исследованных случаев к обобщениям. Тесно связанный с нерешенными проблемами исторического синтеза, этот переход предполагает специальный анализ путей интеграции микро- и макроистории.

Что касается подбора и интерпретации источников, то памятники художественного творчества – это как раз и есть эмоционально окрашенное материальное воплощение ценностных характеристик общества. Отражение в искусстве его «понятийного аппарата», выявление эстетических образов и норм позволяют проникнуть в систему идеалов общества и глубинные области верований¹.

Страдание и любовь – одни из важнейших эмоциональных сфер человека, играющие особую роль в его нравственном становлении. «Человек страдающий» и «человек любящий» – едва ли не важнейшие феномены в истории создания высших нравственных идеалов человечества, и интерес к ним более чем оправдан². В данной статье мы остановимся подробнее на рассмотрении страданий боспорян, связанных со смертью.

Значительная часть эпитафий содержит в себе упоминание о загробном мире, что указывает на значимость этого вопроса для боспорцев. Насколько хорошо они представляли себе дальнейший путь души, судить сложно из-за недостаточной информативности источников. Представление о географии подземного мира и о поселении благочестивых покойников в отдельном, отведенном для них его месте, широко распространяется со II в. до н.э. примерно до II в. н.э. В основном подобные уточнения сводились к упоминанию Аида: «Гражданку Амиса, блистательную Клеопатру... похитил горестный Аид...» (КБН, 124), «...ненавистный горестный Аид унес в подземный мрак...» (КБН, 126); и Мойры: «...и твою мощь внезапно угасила Мойра» (КБН, 123), «...скончался от убивающей всех по воле Мойр старости» (КБН, 132).

* Работа подготовлена при поддержке внутривузовского гранта БелГУ 2012 г. для аспирантов и студентов.

¹ Жижина Н.К. Гипсовый рельеф в погребальных памятниках европейского Боспора первых веков новой эры (по материалам коллекции Гос. Эрмитажа). Автореферат диссертации. СПб., 2007. С. 23.

² Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 2000. С. 11.

Древние эллины воспринимали смерть как неизбежность, срок которой определен судьбой. Погребальные обряды древнейших обитателей северопонтийских стран указывают на их уверенность в загробном существовании и, вместе с тем, что в потусторонней жизни умерший сохраняет то общественное положение, которым он пользовался при жизни³.

Семантика рельефов вызывает большой интерес. В ее расшифровке ученые видят взаимосвязь жизни умершего с потусторонним миром. Развивались на Боспоре и представления об умершем, как о герое. Апофеоз героя, прошедшего жизнь и даже преодолевшего смерть, что в итоге приносило полное блаженство вечного существования, художники показывали путем изображения загробных трапез, спокойно стоящих всадников, как бы ожидающих встречи с богиней, которая обеспечит им бессмертие⁴.

Большинство эпитафий делает акцент на уточнение обстоятельств смерти. Наиболее распространены описания ухода из жизни из-за болезни: «Алчная болезнь стубила тебя, Калус...» (КБН, 123); часто встречаются стелы погибших в бою: «Так умер ты от толпы неприятелей. Ведь и троянский Гектор пал среди передовых бойцов» (КБН, 136).

У греков существовали представления о том, что счастлив человек, погибший во цвете лет на поле боя. Такой уход из жизни является составной частью «достойной смерти» и наградой за доблесть и благочестие. Такой человек приобретает героическое бессмертие, но, в то же время, в мире живых ему должен остаться вечный памятник (курган либо статуя) над могилой⁵.

Следует отметить, что на Боспоре надгробные рельефы и статуи, как и эпитафии (два основных источника по данной тематике), создавались над могилами, а не внутри них, в отличие, например, от древнего Египта: эпитафии, как и изображения на стелах, были созданы не для потустороннего мира, а для живых – как память об умерших, как выражение продолжающейся связи с ними. Это еще одно свойство, присущее только боспорским погребальным сооружениям – замкнутость их структуры, обращение смысла «внутри». За редким исключением мифологическое значение сооружения не выводится наружу, как это было обычно в македонских гробницах-храмах, не объясняется зрителю на фасаде⁶.

На стенках саркофагов изображаются и персонажи мифа о Ниобидах. Помещенные в конкретный изобразительный контекст, они указывают на взаимосвязь, существовавшую между произведением искусства и представлениями древних о взаимоотношениях богов и людей. Они отражают понимание безусловной зависимости человеческой жизни от воли богов и соблюдения человеком принятых поведенческих норм, о связи мира земного с миром потусторонним. Изображение Ниобид на стенках саркофагов – это устойчивый элемент погребальной символики, воспринятый боспорянами и получивший в интерпретации местных мастеров оригинальное художественное значение⁷.

Особо стоит отметить эпитафию 121. Реконструкция мировоззрения по 4 строчкам написанной, возможно, на заказ эпитафии – задача трудная, но не более несбыточная, чем идентификация художественного стиля по фрагменту. Неординарность эпитафии Гекатея бросается в глаза: «Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты сам скорее избежал круга мучительных страданий».

Э. Бирман отождествлял «круг страданий» с кругом предопределений и, соответственно, в Гекатее он видит орфика. А.Д. Нок показал, что «знай» указывает на убежде-

³ Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII-V вв. до н.э.) // Советская археология. 1964. №2. С. 15.

⁴ Зубарь В.М., Русяева А.С. На берегах Боспора Киммерийского. К., 2004. С. 197.

⁵ Археология и социология смерти: древнегреческие погребальные обряды (анализ исследований 80-х годов) // Личность и общество в религии и науке античного мира (современная зарубежная историография): реферативный сборник. К XVII международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990 г.). М., 1990. С. 106.

⁶ Савостина Е.А. Античность и варвары: возможность сопоставления культур // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Ч. II. Новочеркасск, 1993. С. 165.

⁷ Жижина Н.К. Указ. соч. С. 20.

ние поэта и не обязательно – Гекатея. По его заключению, он – скромный философ, который нашел верный путь принятия важных решений⁸.

Данная эпитафия представляет собой целостное выражение мировоззренческой позиции и жизненного пути умершего. Возможно, погребенный, действительно, покончил жизнь самоубийством. В таком случае, переживание скорби индивидом, существовавшее в реальной жизни, ставило перед творцами литературных произведений вопрос о моральном оправдании самоубийства по личным причинам.

По мнению Ю.Ю. Марти, стихотворная эпитафия намекает на безвременную трагичную кончину Гекатея, которой он добровольно содействовал, закрепив таким образом, за собой славу высшей мудрости не словом только, но и жизнью⁹. На наш взгляд, этот вывод вряд ли можно считать обоснованным. Славу мудрости Гекатей закрепил не добровольным уходом из жизни (прямого подтверждения чему в эпитафии, кстати, тоже нет), а познанием «священных решений».

Поэт нашел тактичный способ сказать о том, что умерший не получил какого-то особенного образования, отсутствие которого ему, однако, не повредило. Но не самоучение выше образования, а мудрость, обнаруживаемая в жизни, выше мудрости, обнаруживаемой «в речах». Эта важная мысль, зафиксированная на стеле, дает нам определенное представление о мировоззрении боспорцев, об их ценностях и значимости познания окружающего мира.

Подробнее нам хотелось бы остановиться на теме смерти детей и их погребения. В искусстве Боспора эллинистического периода много внимания уделялось изображению детей. Мастера достигли значительных успехов в создании реалистического образа ребенка со всеми внешними особенностями его возраста.

Эпитафии же, в свою очередь, раскрывают в полной мере любовь жителей Боспора к своим детям. Нередко считается, что древние греки не радовались рождению дочерей, воспитание и устройство которых требовало больших средств и забот. Выходя замуж, они покидали родной дом. Однако, например, эпитафия 124 (как и многие другие эпитафии Боспора) свидетельствует об обратном. Богатые надгробные памятники с эпитафиями устанавливались над могилами и сыновей, и дочерей. Также ярко выражена и любовь к родителям. «Под этой плитой... лежит Эммида..., принявшая самые последние почести от сына Энея. Да ниспошлют ему боги сладостные дары за почтение к родителям».

Антропоморфные изваяния и детские погребения – это сюжет, нашедший отражение на материалах некрополей Китея и Илурата. Подавляющее большинство антропоморфных изваяний в Китее сопряжены с детскими погребениями, преимущественно младенческими. Особый поворот детская тема приобретает в связи с захоронениями лошадей, сопровождающими детские погребения, сюжет, который присутствует в равной степени на обоих некрополях. Погребальный инвентарь присутствовал в большей части неповрежденных захоронений¹⁰. Интересно отметить, что самыми богатыми погребениями были в ряде некрополей детские – им сопутствует зачастую наибольшее количество инвентаря. Они же часто являлись и наиболее бедными – совсем без оного.

Полифункциональность останков детей на некрополе может быть подтверждена обнаружением их не только в детских могилах в качестве объекта обряда. Так, на северном участке некрополя Илурата была открыта грунтовая, частично облицованная известняковыми плитами могила Н 7. В ней была погребена не рожавшая женщина 50–60 лет, с бронзовой фибулой, плохо сохранившимся бронзовым медальоном, красноглиняной ойнохойей. Костяк, особенно в области таза был посыпан семенами и зернами. В могиле была также найдена краснолаковая чашечка с фрагментом детской бедренной кости. У склепа Н–1 была раскрыта грунтовая могила Н–90 со скоплением костей мужчины до 20 лет, женщины или подростка, мужчины 40–50 лет, женщины, а также фрагментом челюсти новорожденного и старческой челюстью. Конечно, наличие останков детей в

⁸ Панченко Д.В. Эпитафия Гекатея (CIRB 121). Конфессия, философский топос или выбор пути? // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 29.

⁹ Панченко Д.В. Эпитафия Гекатея (CIRB 121). Конфессия, философский топос или выбор пути? // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 33.

¹⁰ Тульпе И.А. Некрополи для детей (по материалам раскопок некрополей Илурата и Китея в 1968–1998 гг.) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998. С. 47–49.

этих погребениях может быть случайным и нехарактерным. Однако, в пределах сакрального пространства некрополя в непо потревоженных могилах случайности маловероятны. И в женском погребении зерно на бесплодном лоне старухи корректируется с детской ногой (анатомический код нижнего мира?) в глубине глиняной вселенной (чашка).

Рассмотренный археологический материал дает основание выделить особое отношение к ребенку как объекту обряда и одновременно, как к средству. Ребенок синонимичен зерну или яйцу, это вариант зерна, плодородного жизненного начала. Младенец – это потенциальная жизнь. Смерть ребенка преждевременна, и это опасно для социума, как всякое нарушение миропорядка. Поэтому кажется, что в целом, младенческие погребения обставлялись особым образом. Семя, не успевшее прорасти и дать плод, не исполнено своей функции в одном (живом) качестве, но должно исполнять ее в другом. Может быть, поэтому сопроводительный инвентарь младенца, новорожденного содержал так много хтонически-плодородного, эротического – избыточно много: то ли, чтобы избытком жизни вытеснить избыток смерти, нарушивший порядок; то ли недавний выходец из лона, из другого мира и уже опять готовый в обратный путь, к переходу, был мостиком, медиатором миров¹¹.

Касаясь вопросов отношения к смерти и восприятия загробного мира на Боспоре, нельзя еще раз не подчеркнуть, что греческая колонизация Северного Причерноморья была выражением двустороннего процесса. Античное и варварское искусство – диаметрально противоположные художественные системы, но взаимное проникновение античной культуры и мира варваров привело к сложению оригинального феномена в его художественных формах, особенно выразительно на Боспоре. В боспорском искусстве первых веков новой эры были созданы художественные образы, вобравшие в себя черты греческого мифологического антропоморфизма, условные, но исполненные внутреннего смысла зримые элементы миропонимания, близкого и понятного местным жителям. Античная составляющая боспорского феномена на поздних этапах его развития демонстрировала изношенность своей образной системы и ее способности к воспроизводству. Гораздо жизнеспособнее образы греческого мифологического и художественного творчества, обогащенные мистическим, иррациональным началом местных верований, обычаев и традиций, оказались именно в среде провинциального искусства городов Северного Причерноморья.

«Наша идентичность ... вечно реконструируется в отношениях с другими странами и с их культурными ценностями»¹². Насколько оправдано изучение культурных изменений в качестве отдельного явления отдельного народа? При изучении Боспора, с его неоднородным этническим составом населения, этот вопрос встает еще острее.

В результате ассимиляции пришлого и туземного населения на Боспоре должна была создаваться своеобразная греко-варварская культура, которая придает ему во всех отношениях такой своеобразный облик, какого мы не встречаем нигде в другом месте античного мира¹³. Эти свойства уже сами по себе заслуживают того, чтобы история Боспора стала предметом тщательного изучения.

Таким образом, через призму местной поэтической традиции нам удалось проследить некоторые аспекты взаимоотношений людей и их отношения к жизни и смерти, определившие их мировоззрение. Так, возможно, что уникально проявившееся на Боспоре сочетание «греческой» и «варварской» культур дало в результате своеобразный симбиоз восприятия человека и отношение к передаче чувств и эмоций. В связи с этим объясняется и значительный драматизм, внутренняя напряженность образов, реалистичная передача боли в художественных произведениях боспорских мастеров в сравнении с остальной античной ойкуменой.

И, как видим, если наши предыдущие исследования «человека любящего» пока-

¹¹ Тульпе И.А. Некрополи для детей (по материалам раскопок некрополей Илурата и Китея в 1968-1998 гг.) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998. С. 52-53.

¹² Carstens, Anne Marie. Cultural Contact and Cultural Change: Colonialism and Empire // Rome and the Black Sea Region. Domination, Romanisation, Resistance / Edited by Tønnes Bekker-Nielsen. Aarhus University Press, 2006. P. 121.

¹³ Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.-Л., 1953. С. 271.

зывали, что отношение к человеческим качествам поменялись не так сильно, и многие критерии в выборе достойной супруги или супруга, отношения к родителям и детям соответственно, сохранились и сегодня (древние люди так же любили и страдали), то отношение к смерти и загробной жизни достаточно сильно деформировалось.

DEATH AND SUFFERING ON THE BOSPORUS

E.A. KRASNIKOVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: malaya555@yandex.ru

This article continues the review of the topic of man on the Bosphorus, his feelings and emotions. Suffering and love – one of the most important spheres of man's emotion, which play a special role in his moral formation. In this article we will discuss in more detail on the "suffering" Bosphorians connected with death. Much of the epitaphs contains a reference to the afterlife, which indicates the importance of this issue for Bosphorians. A unique combination manifested in the Bosphorus "Greek" and "barbarian" cultures resulted in a unique symbiosis perception of man and attitude to the transfer of feelings and emotions.

Key words: the Bosphorus, death, suffering, epitaphs.